

УДК 903

А.А. Василевский

Сахалинский государственный университет
ул. Ленина, 290, Южно-Сахалинск, 693000, Россия
E-mail: Vasilevski@sakhgu.ru

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА САХАЛИНА И ХОККАЙДО В СВЕТЕ ИССЛЕДОВАНИЙ ПОСЕЛЕНИЯ ОГОНЬКИ-5

История исследования памятников эпохи палеолита на Сахалине

Археологические исследования островных территорий на стыке Восточной и Северо-Восточной Азии, где располагаются Сахалин и Хоккайдо, насчитывают уже более 150 лет. Изучение палеолита имеет не столь давнюю историю, оно началось лишь во второй половине XX в. Первый импульс поиску палеолитических стоянок на Хоккайдо дали исследования Масаказу Ёсидзаки на р. Юбецу в 1952 г., а на Сахалине – открытие сотрудницей краеведческого музея В.В. Вязовской близ пгт Ноглики в 1964 – 1965 гг. микропластинчатого комплекса Имчин-1 [Вязовская, 1973]. Значение имчинских находок было впервые показано Р.С. Васильевским [1973а]. В 1974 г. В.А. Голубев распознал палеолитические артефакты в принесенной студентом В. Зайцевым коллекции со стоянки Сокол. Первые разработки в области изучения сахалинских пластинчатых комплексов принадлежали Р.С. Васильевскому [1973а, б], Е.Л. Лаврову [1984], Р.С. Васильевскому, В.А. Голубеву [1976], С.В. Горбунову и В.Я. Горобцу [1989]. Одним из главных достижений этого этапа стала монография В.А. Голубева и Е.Л. Лаврова “Сахалин в эпоху камня” [1988], в которой авторы обобщили всю информацию о памятниках индустрии пластин, собранную к середине 80-х гг., и выделили ряд палеолитических культур. В ней подведены итоги всех предшествующих исследований и высказан ряд принципиальных выводов, в т.ч.:

– Сахалин был заселен в эпоху верхнего палеолита, не менее 25 тыс. л.н. в условиях существования древней полуостровной суши;

– заселение острова в палеолите происходило в результате миграций с севера, т.е. из низовьев Амура,

это обусловило развитие галечной традиции, примером которой считалась стоянка Адо-Тымово в центральной части Сахалина;

– древнее население острова циркулировало в пределах полуострова, что определило общность и синхронность развития культур, основанных на индустрии пластин и эксплуатации месторождений обсидиана (вывод иллюстрировался материалами стоянок Сокол и Такос-2);

– около 20 тыс. л.н. в рамках Сахалино-Хоккайдского полуострова возник древнейший “обсидиановый путь”.

Эти выводы имели принципиальный характер, они, по сути, заложили основу для дальнейшего продвижения в деле изучения памятников эпохи палеолита в островном регионе. Но несмотря на довольно успешное развитие исследований, уже в начале 1990-х гг. многие источники и выводы о палеолите Сахалина подверглись довольно жесткой критике. Это объяснялось, в первую очередь, острым противоречием между уровнем рассматриваемых проблем и их источниковедческой основой [Горбунов, 1990; Шубина, 1990]. Работы Лютожской палеолитической экспедиции Южно-Сахалинского государственного педагогического института* стали событием, завершившим данный этап. В течение 1992 – 1996 гг. проведена сплошная разведка плейстоценовых террас на р. Лютога. В ходе исследований разработана методика поиска ранних памятников, открыта серия поселений и стоянок эпохи верхнего палеолита и начального неолита с сохранившимся культурным слоем, проведены раскопки поселения Огоньки-5. Впервые на острове получен хорошо стратифицированный, документированный источник верхнего

* Ныне Сахалинский государственный университет.

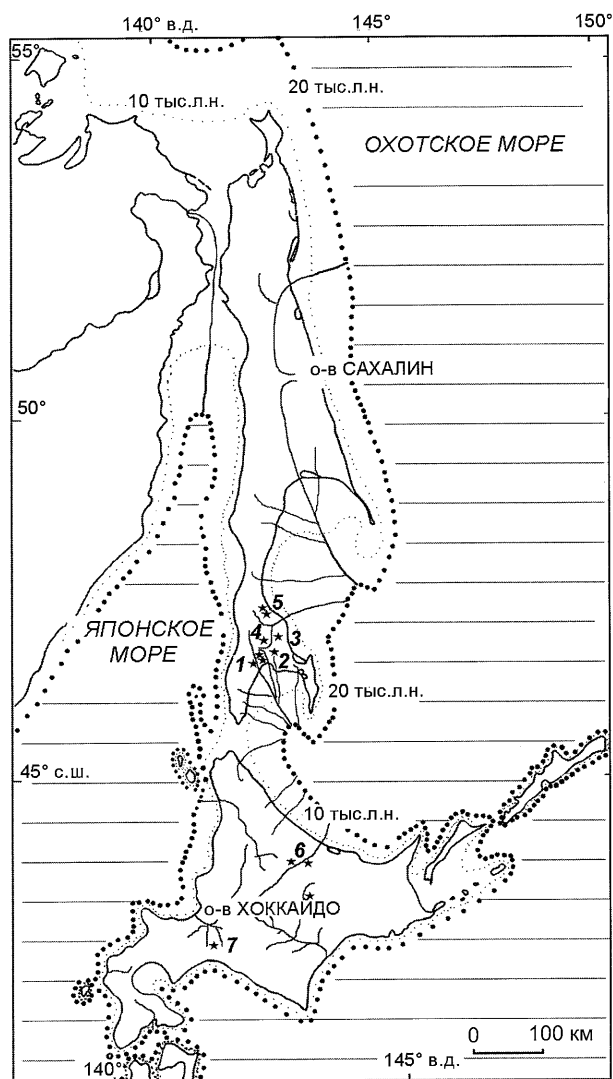

Рис. 1. Очертания суши и некоторые археологические памятники островов Сахалин и Хоккайдо периода 20 – 10 тыс. л.н. 1 – Огоньки-5 – 7, Урожайное-3; 2 – Олимпия; 3 – Сокол; 4 – Читинка; 5 – Ручьи, Сенная-1, 2; 6 – группа памятников Сиратаки; 7 – группа памятников Читосе, в т.ч. Касивадай-1.

палеолита с насыщенным культурным слоем и жилищными комплексами, с серией абсолютных дат. Кроме того, в южной части острова выявлено и частично исследовано еще несколько памятников сартанского времени. В итоге к середине 90-х гг. XX в. в палеолитоведении Сахалина возникла принципиально новая источниковедческая ситуация – были получены достоверные источники, сопоставимые с известными во всем мире палеолитическими стоянками о-ва Хоккайдо. Это позволяет проводить корректные сравнения и обсуждать проблемы верхнего палеолита не только в рамках острова, но и в масштабах региона. Таковы основные итоги первого этапа исследования палеолита на Сахалине.

Важным событием стало открытие памятников раннего и среднего палеолита в 1998 – 2000 гг. С этого времени начинается новый, современный этап исследования, который характеризуется принципиальным изменением как источниковедческой, так и теоретической основы исследований. Датирование стоянки Сенная-1 в интервале 230 – 140 тыс. л.н. ставит перед палеолитической археологией и Сахалина, и Северо-Востока в целом принципиально новые задачи. Этап этот только начинается, он требует отдельного рассмотрения и здесь упоминается лишь в плане историографического обзора. Настоящая же статья, по сути, подводит итоги первого этапа исследования палеолита о-ва Сахалин. Она призвана ввести в оборот новейшие источники, в первую очередь материалы поселения Огоньки-5, и на их основе дополнить и уточнить выводы, высказанные нашими предшественниками. Кроме того, часть памятников, прежде всего стоянка Адо-Тымово, требуют переосмысления, каковое и предлагается в соответствующем разделе статьи.

Палеогеография, топографическое положение и стратиграфия памятников верхнего палеолита на Сахалине

Известные на Сахалине памятники эпохи палеолита связаны с тремя взаимно смежными долинами в пределах южной части острова – Сусунайской, Лютожской и Найбинской. В наши дни долины Лютоги и Найбы вторичны по отношению к Сусунайской. Однако реконструкция палеогеографической обстановки позволяет видеть иную картину. Во времена пика вюрмского оледенения уровень моря был ниже современного по разным оценкам на 100 – 140 м [Геологическое развитие..., 1968; Хосино..., 1986; Ota, Machida, 1987; Мечетин, 1988; Korotky et al., 1997; Gorbatenko, Southon, 2000]. Соответственно, палео-Лютога была длиннее нынешней на 60 – 70 км и являлась одной из трех главных артерий острова наряду с палеореками Тымь и Поронай. Сусуя и другие реки Сусунайской долины, равно как и водотоки всего современного побережья залива Анива были ее притоками. Устья этих рек соответствовали древней береговой черте, которая в пик оледенения проходила по линии современных глубин 100 – 140 м. Модели древних побережий Сахалино-Хоккайдского полуострова лучше всего представлены на гипсометрических картах, опубликованных в академическом атласе по геологическому развитию Японских островов, а также в трудах. Оно Юго и Игараси Яэко [Геологическое развитие..., 1968; Japan..., 1977; Оно Юго, Игараси Яэко, 1991; Оно Yugo, 1999]. Современный залив Анива в сартанское время представлял собой большую заболоченную равнину, и палео-Лютога была ее главной рекой (рис. 1). Устья Лютоги и Юбецу

Таблица 1. Топографическое положение памятников верхнего палеолита (20 – 12 тыс. л.н.) на Сахалине

Памятник	Высота (м) над уровнем		Расстояние (м) до	
	реки	моря	оврага	обрыва
Огоньки-5, п. 1	43	62	40	60
» п. 2	42	61	60	30
» п. 3	44	63	30	100
» п. 4	43	62	20	80
Урожайное-1	60	75	50	30
Урожайное-3	65	75	50	20
Старорусское-1	45	75	Больше 100	Больше 100
Старорусское-3 ("Читинка")	35 – 40	60 – 65	–	–
Олимпия-1, 2	30 – 50	100 – 120	20 – 30	Больше 100
Сокол	35 – 40	65 – 70	–	50 – 100
Ручьи-1	45 – 50	55 – 60	30 – 50	30 – 50
Сенная-1, 2	50	60	–	–

(Хоккайдо) отстояли друг от друга не на 300 – 350, как ныне, а на 130 – 150 км. Обе реки впадали в море на древнем побережье, ныне поглощенном водой. В нашей модели мы принципиально рассматриваем оба палеолитических района как две смежные части одной географической провинции верхнего плейстоцена. Последняя связана с палеозаливом, в который впадали палеореки Поронай, Найба, Лютога, Юбецу, Токоро с их притоками. Его северная оконечность – мыс Терпения, а южная – мыс Ловцова на о-ве Кунашир [Ono Yugo, 1999, fig. 2.3, 2.4] (рис. 1). Оно Юго в качестве доказательства существования в сартанское время перешейка между Сахалином и Хоккайдо сравнивает батиметрические данные пролива Лаперуза с информацией о размерах регрессии, а также о переселении животных мамонтовой фауны, включая мамонта (*Mammoth Primigenius* Bl.), лося (*Alces alces*), гигантского оленя (*Megaloceros yabei*), бизона (*Bison*) на Хоккайдо через Сахалин [Япан..., 1977; Ono Yugo, 1999].

Сусунайская долина являлась своеобразным "коридором" между северной и южной частями указанного залива ледниковой эпохи. Межгорная депрессия на месте современного пролива Лаперуза соединяла эту провинцию с северной частью Японского моря, где был еще один глубокий полузамкнутый залив. Одно его побережье располагалось в Северном Приморье, а другое – на западном берегу Сахалина. Оба залива, восточный и западный, формировали две смежные прибрежные провинции сахалино-хоккайдской суши. Они характеризовались сочетанием разных ландшафтов: морских побережий, гористых районов с ледниками на вершинах, болотистых низин, тундры, лесотундры и на крайнем юге – тайги. Залежи обсидиана в южной части района – еще

одна его важная особенность [Вулканические стекла..., 2000]. Ледник не достигал этой зоны даже в период, соответствующий максимуму вюрмского оледенения, ограничиваясь хребтами Сахалина [Александрова, 1982]. Хоккайдо был своеобразным оазисом, рефугиумом термофильных организмов сахалино-хоккайдской суши. Последняя, таким образом, представляла собой полуостров на стыке холодной приледниковой Северной Азии и теплой лесной зоны Восточной Азии [Ono Yugo, 1999, p. 34 – 36, fig. 2.5, 2.6].

Памятники верхнего палеолита на Сахалине приурочены к третьей и четвертой речным террасам на отметках от 30 до 65 м выше уровня реки (табл. 1). Как правило, они располагаются на значительном расстоянии от речных обрывов. Характерными приметами стоянок верхнего палеолита являются разветвленные обрывистые овраги. Памятники, как правило, занимают пологие или слабонаклонные сухие площадки вблизи чистых ключей и ручьев. Последнее обстоятельство немаловажно, т.к. в лососевую путину употребление речной воды опасно для жизни из-за ее сильного заражения от гниющей рыбы.

Для прибрежных районов Сахалина характерно четкое распределение памятников одного возраста на соответствующих уровнях, что обусловлено таким же четким соответствием форм рельефа историческим изменениям уровня Мирового океана (рис. 2). Изученные памятники верхнего палеолита на Сахалине залегают в покровных отложениях – тяжелых светло-коричневых суглинках горчичных и белесых оттенков на глубине от 20 до 80 см. Типичной и показательной в этом смысле является стратиграфия поселения Огоньки-5 (рис. 3) и стоянки Сокол.

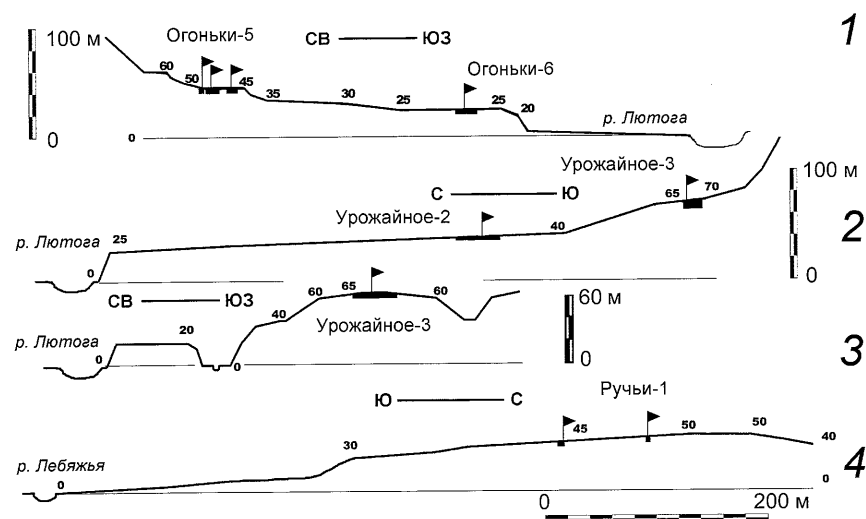

Рис. 2. Положение памятников эпохи позднего палеолита и начального неолита в речных долинах Южного Сахалина.

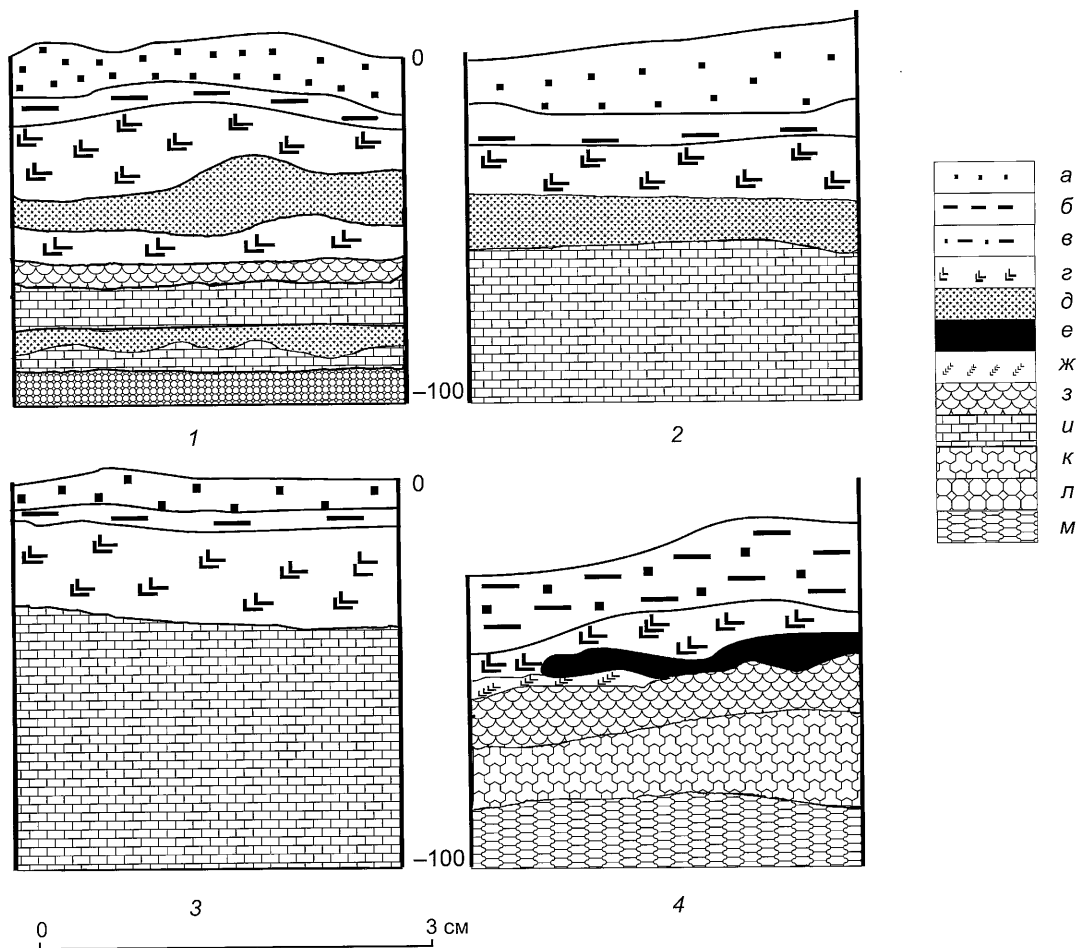
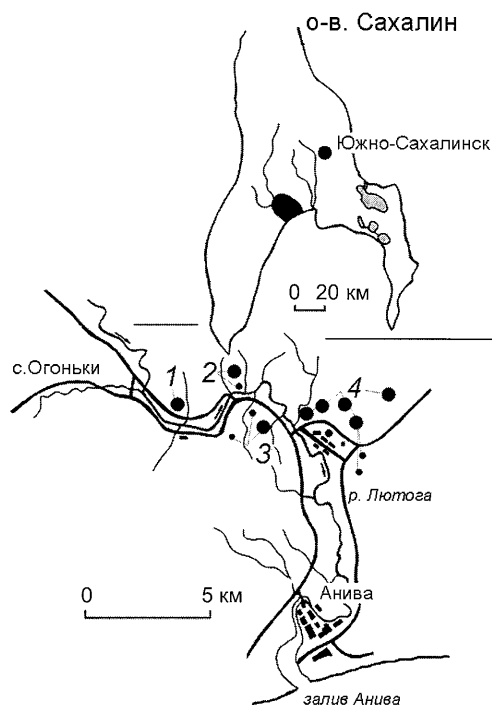

Рис. 3. Типичная стратиграфия на памятниках позднего палеолита – раннего неолита на Южном Сахалине.

1 – Огоньки-6, 2 – Урожайное-3, 3 – Старорусское-4, 4 – Огоньки-5.

а – дерн и гумус, б – супесь, в – пашня, г – суглинок горчичного цвета, д – песок, е – черный суглинок с угольками, ж – светло-коричневая глина, з – желтая глина, и – белая глина, к – коричневая глина, л – щебень, м – темно-пестрая глина со щебнем.

Поселение Огоньки-5

Поселение Огоньки-5 (координаты: $46^{\circ}46'53,2''$ с.ш., $142^{\circ}28'52,9''$ в.д. – см. рис. 1, 1) открыто в 1993 г. [Василевский, 1996, 1997]. Оно располагается в Анивском районе в 6 км к СВ от одноименного села, на третьей террасе р. Лютоги, на ее левобережье (рис. 4, 2; 5). Поселение состоит из пяти отдельных пунктов (концентраций артефактов). Они приурочены к целинному полю между двумя ручьями у подножия Камышового хребта (рис. 6). В восточной части площадки, по определению Я.В. Кузьмина, сохранилась бровка среднеплейстоценовой аллювиальной террасы. Покровные слои разрушены пашней, но культурный слой хорошо сохранился, т.к. залегает глубже*. В 1994 – 1996 гг. Лютожской палеолитической экспедицией проводились раскопки п. 1, где сплошным раскопом вскрыта площадь 170 м^2 и выделено три горизонта (см. рис. 3, 4).

Принципиальная схема отложений на памятнике такова:

слой 1 – пашня и остатки слоя темно-коричневого суглинка;

* Памятник удалось обнаружить на стадии первичной вспашки участка, когда верхний слой лишь однократно был перевернут легким плугом.

Рис. 4. Памятники позднего палеолита и начального неолита в нижнем течении р. Лютоги.
1 – Огоньки-7 (“Мандаринка”); 2 – Огоньки-5, 6; 3 – Огоньки-8 (“Урожайное, п. 1–3”); 4 – Петропавловское-1 – 7.

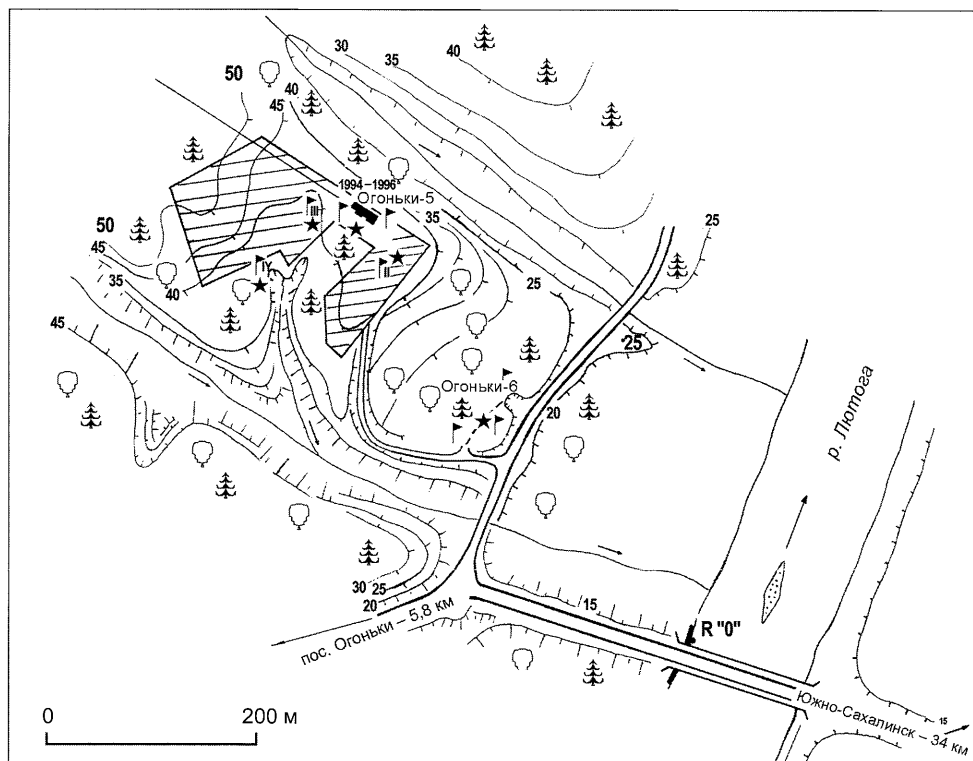

Рис. 5. Обзорный план расположения палеолитического поселения Огоньки-5 и стоянки Огоньки-6.

Таблица 2. Абсолютные даты для поселения Огоньки-5

Место отбора образца	Авторы определения результатов	Лабораторный номер	Радиоуглеродная дата, л.н. (от 1950 г.)
Кв G-21, слой 3	Я.В. Кузьмин, А.Т. Джалл	AA-23137	17 860 ± 120
Кв. C-22, слой 2В, яма №1	Они же	AA-25434	18 920 ± 150
Кв. В-21, слой 2В, яма № 1	»	AA-20864	19 320 ± 145
Кв. С-30, очаг № 1	С. Цудзи	RH-114	19 380 ± 190
		Beta-115986	
Кв. В-С-31, очаг № 2	»	RH-115	19 440 ± 140
		Beta-115987	
Кв. G-21, слой 3	Я.В. Кузьмин, А.Т. Джалл	AA-23138	31 130 ± 440

слой 2 – тяжелый суглинок горчичного цвета;
прослой 2В – суглинистая почва черного цвета с угольками;

прослой 2С – глина, по структуре близкая к суглинку горчичного цвета, но отличающаяся от последнего плотностью и светло-коричневыми тонами (общая мощность в жилищах до 30 см);

слой 3 – плотная желтая глина светло-пестрых тонов;

слой 4 – вязкая глина шоколадного цвета;

слой 5 – плотная темно-пестрая кирпичного цвета глина со щебнем формирует материковые отложения на глубине 75 – 80 см.

Ниже повсеместно на глубину до 1,5 м от поверхности залегают глины темно-пестрых оттенков коричневого, оранжевого, а также белого и голубого цвета, в нижней части разреза насыщенные мелкообломочным щебнем. Под глинистым чехлом выявлен скальный цоколь. Артефакты преимущественно отмечены в слоях 1, 2, 2В и 2С на глубине до 45 – 50 см, отдельные же находки встречались глубже – до слоя 3 включительно.

Абсолютные датировки выполнены по образцам, отобранным нами из слоев 2В и 3, в двух лабораториях – в университете штата Аризона и в компании Бета Аналитик (Майами) (табл. 2)*. Датировка суглинка горчичного цвета и желтой глины в интервале 30 – 18 тыс. л.н. вполне соответствует описанной выше стратиграфии поселения Огоньки-5 и находит аналогии на палеолитическом поселении Касивадай-1 (о-в Хоккайдо), близком описываемому памятнику по комплексу признаков.

Горизонт 1. Найдены (рис. 7) связаны с пашней. При расчистке леса и вспашке перевернут гумус, подзол (0 – 0,15 – 0,2 м) и местами затронут подстилающий их темно-коричневый суглинок и верхняя часть суглинка горчичного цвета. Основным несущим сло-

ем является коричневый суглинок. В рамках горизонта обнаружено 1 335 артефактов, в т.ч. стандартные и игольчатые микропластинки и микросколы (59 экз.), малые, средние и длинные пластины и изделия из них (всего 120 экз.), среди которых есть и обработанные двусторонней краевой ретушью. Под стандартными микропластинками понимаются пластинки длиной от 2 до 5 и шириной от 0,5 до 1 см. Понятие “игольчатая микропластинка” вводится впервые. Это миниатюрная пластинка-иглолка, обычно снятая с фронта ладьевидного микронуклеуса и имеющая длину не более 2 см и ширину не более 2 мм. Игольчатые микропластинки – вероятно, побочный продукт утилизации ладьевидного нуклеуса. Под микроскопом видно, что их морфология полностью повторяет таковую стандартных микропластин. Среди изделий на пластинах отметим боковые, срединные и трансверсальные черешковые резцы (25 экз.) (рис. 7, 5, 7), концевые скребки (7 экз.) (рис. 7, 3), ножевидные изделия (64 экз.), бифасы (2 экз.) (рис. 7, 4), клиновидные микронуклеусы (16 экз.) (рис. 7, 7), в т.ч. изготовленные из пластин. Также выделен один призматический нуклеус для снятия пластин и нуклеидные обломки. Кроме того, найдены клювовидные острия из пластин (10 экз.), изделия с пильчатой ретушью, интерпретируемые по наклонным бороздкам на крае как пилки (4 экз.), а также одно миниатюрное шлифованное долото. Кроме изделий на пластинах отметим артефакты, изготовленные из отщепов (28 экз.). Они представлены черешковыми остроконечниками, вероятно наконечниками дротиков (3 экз.) (рис. 7, 1; 8), и обломками неясного типа (3 экз.), резцами и резчиками (9 экз.), ножами и унифасами (6 экз.), концевыми скребками (4 экз.), а также дисковидного и бокового типа (по одному экземпляру). Отходы производства каменных орудий представлены 1 074 отщепами, сколами, чешуйками, в т.ч. резцовыми отщепками. Следует обратить особое внимание на характерные для памятников начального неолита черешковые острия и резцы, дисковидный скребок из обсидиана, шлифованное долото, резчики, развитие техники отщепов. Ин-

* Пользуясь случаем, приносим благодарность Я.В. Кузьмину, А.Т. Джаллу, С. Цудзи за бескорыстную помощь по датированию образцов из раскопок поселения Огоньки-5.

Рис. 6. Вид на поселение Огоньки-5.

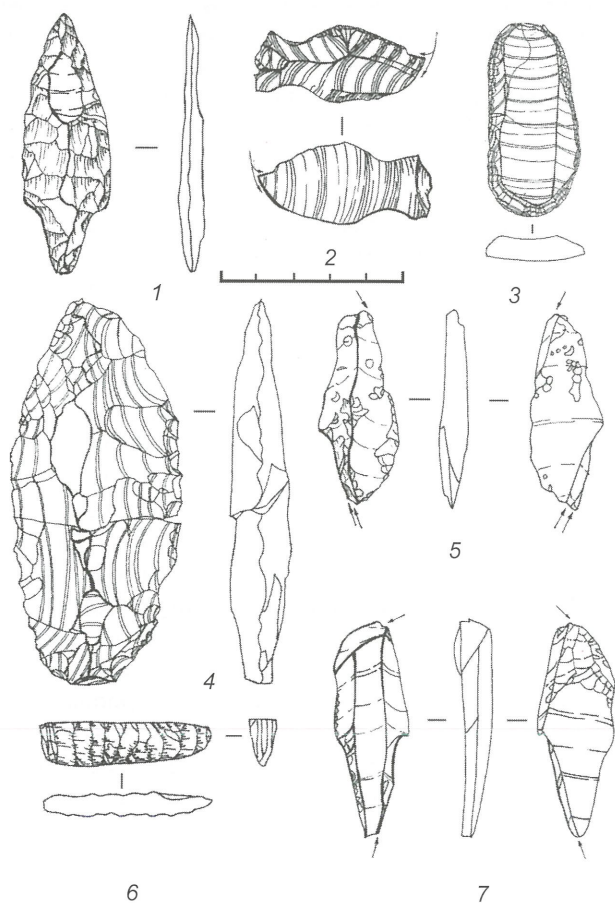

Рис. 7. Артефакты из горизонта 1 поселения Огоньки-5.

Рис. 8. Острие с черешком, выполненным в “огоньковской” технике. Поселение Огоньки-5, слой 1.

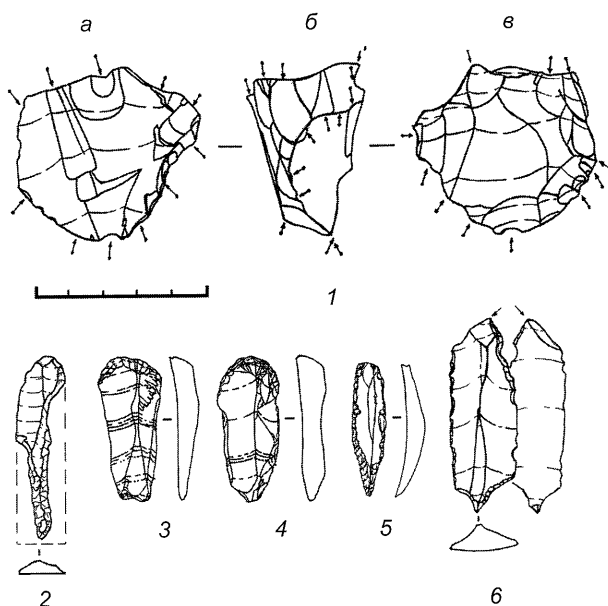

Рис. 9. Артефакты из горизонта 2 поселения Огоньки-5.

интересен резец, изготовленный из отщепов в форме рыбки – лосося с отчетливо выраженным характерным горбом (см. рис. 7, 2). Типологически это боковой резец, продольный резцовый скол указывает на более позднюю технологию по сравнению с резцами из слоя 2. Обнаружены гальки янтаря, отсутствующего в этом горном районе. Они прямо указывают на связь памятника с древним морским побережьем, от которого поселение отстояло в то время не на 15, а на 90 – 100 км. Отметим бифас с двумя сколотыми с него чешуйками (см. рис. 7, 4), а также овально-вытянутый двусторонне ретушированный нож типа микосива.

Материалы горизонта 1 имеют параллели в коллекциях таких памятников, как Такое-2, Одопту, Имчин-1 (Сахалин), Горбатка-3 и Устиновка-3 (Приморье), Тачикава-2, 3 и Тачикарусюнай, Микосива (Хоккайдо), что позволяет относить его к переходному периоду в рамках финала верхнего палеолита – начальной стадии раннего неолита. Хронологические границы этой группы памятников совпадают с датировками традиции “черешковых острий” Северной Японии – 13 – 8 тыс. л.н. Заметим, что в последнее десятилетие возраст черешковых острий в Центральной Японии “удревнелся” до 15, а на о-ве Хоккайдо до 13 тыс. лет. К чему стоит относиться осторожно, т.к. в отдельных публикациях одновременно могут использоваться без уточнений как исходные, так и калиброванные даты. По своему стратиграфическому положению комплексы типа Такое-2, Огоньки-5 (горизонт 1) четко соответствуют описанному слою коричневого суглинка, подстилающего слои супесей и подзолов на террасах

средневысотного цикла. Это также дает основание относить их к финалу плейстоцена – началу голоцена в тех же хронологических границах, что указаны выше (13 – 8 тыс. л.н.).

Горизонт 2. Находки связаны со слоем суглинка горчичного цвета (0,2 – 0,45 м). Горизонт 2 выделялся в большей степени как вмещающий артефакты, нежели как культурный. Здесь обнаружено 2 523 артефакта. Из них 19 килевых микронуклеусов ладьевидной формы, один призматический и один дисковидный нуклеус из кремнистой породы (рис. 9, 1). Кроме того, найдены стандартные и игольчатые микропластинки (109 экз.), средние и длинные ножевидные пластины (45 экз.), концевые скребки на пластинах (23 экз.) (рис. 9, 3 – 5) и на отщепах (7 экз.), трансверсальные резцы (18 экз.) и острия (рис. 9, 6), ножи и унифасы, резцы и резчики на отщепах и т.д. Отходы производства каменных орудий представлены нуклеусами аморфного вида (2 экз.), а также отщепами, сколами, чешуйками, резцовыми отщепами (2 204 экз.). Отсутствуют бифасы, двусторонне обработанные орудия, круглые скребки, метательные наконечники, что особо отличает этот комплекс от материалов горизонтов 1 и 3. Среди каменных изделий из горизонта 2 можно выделить две группы: патинированные в большей и меньшей степени. Яркая особенность слабопатинированной серии орудий (все из черного базальта) – оригинальная техника оформления черешка методом отжима микропластинок и микроотщепов с вентральной стороны заготовки. Черешок оформляется в дистальной части пластины (рис. 9, 2, 5). Роль отжимной платформы играет брюшко пластины. В этой же технике выполнено черешковое острие, вероятно наконечник метательного орудия, найденное в слое 1, но типологически тяготеющее к изделиям из слоя 2 (см. рис. 8). Описанная выше оригинальная техника, назовем ее огоньковской, использовалась и для изготовления ладьевидных микронуклеусов из макропластин, хотя ее наиболее удачное применение – это рукоять орудий, например, резца и скребка (см. рис. 9, 2, 5). По форме они напоминают микронуклеусы типов A2.1, A2.3 и A2.5 классификации А.П. Деревянко, П.В. Волкова, Ли Хонджона, с той лишь разницей, что в отличие от описанных ими вариантов огоньковские микронуклеусы изготавливались не только из отщепов, но и из макропластин. Об использовании этой техники, помимо четырех орудий с рукоятью, свидетельствует серия ладьевидных микронуклеусов с изогнутым профилем, отражающим профиль исходной заготовки-пластины. Кроме того, на таких ладьевидных микронуклеусах сохраняется ударный бугорок – прямое доказательство того, что они были изготовлены из пластин в “огоньковской” технике. Отдельные микронуклеусы огоньковского типа имеют длину до 10 см, т.е. сде-

ланы из средних пластин. Вероятно, в случае крайней нужды в микролезвиях либо при поломке орудий из макропластин они использовались для изготовления нуклеуса с применением указанной техники.

Одно скопление находок с признаками “огоньковской” техники обнаружено в восточной части раскопа близ концентрации находок в кв. В-29, 30 – С-29, 30. Остальные найдены в разных частях раскопа. Слабая патина, а также отсутствие больших четких скоплений этого оригинального материала дают основание для выделения горизонта 2 как самостоятельной части памятника. В соответствии со стратиграфическим положением эта часть должна датироваться в хронологическом промежутке между временем формирования горизонтов 1 и 3. Отсюда возможный ее возраст от 13 – 11 до 18 тыс. лет. Радиоуглеродная дата $17\,860 \pm 120$ тыс. л.н. (от 1950 г.) (АА-23137) может соответствовать нижней хронологической границе горизонта 2. Эта совокупность представляет собой три группы артефактов, различающиеся типологически, но залегавшие в одном слое: изделия, соответствующие комплексу горизонта 1; материалы, характеризующиеся оригинальной огоньковской традицией изготовления нуклеусов из пластин; артефакты из нижележащего слоя либо близкие им по возрасту и типологически не отличающиеся от них, но имеющие несколько более позднее происхождение.

Горизонт 3. Находки из прослоев 2В, 2С и слоя 3 (0,4 – 0,7 м) объединены в один нижний комплекс. Кроме того, в слое 4 выявлен ряд артефактов, которые включены в состав материалов описываемого горизонта. В тонких черных прослоях и очень плотной спрессованной светло-пестрой глине (остатки полов и углистого заполнения ям) обнаружено наибольшее количество материала. Черные слои буквально “начинены” микроскопическими кусочками минерального красителя-гематита, чешуйками кремня и обсидиана. Как говорилось выше, этот горизонт датируется в интервале 30 – 18 тыс. л.н. Всего здесь найдено 11 450 артефактов, в т.ч. клиновидные микронуклеусы (66 экз.), все торцовые макронуклеусы (10 экз.), а также аморфные ядрища, нуклеидные обломки и реконструированные методом ремонта нуклеусы (11 экз.), отщепы, сколы, чешуйки, резцовые микроотщепки (8 390 экз.), стандартные микропластинки, микросколы и игольчатые микропластинки (339 экз.), средние и макропластины, а также орудия из них (305 экз.) (рис. 10 – 12). Ретушированные орудия на отщепах и сколах единичны (21 экз.), преимущественно представлены резцами, концевыми скребками и острями.

В основании слоя 2 на стыке с нижележащим и в слое 3 найдены орудия для обработки дерева – частично шлифованное тесло из базальта и тесловидно-

скребловидные изделия из сланца (см. рис. 11, 5, 6, 10). Их яркая особенность состоит в том, что эти орудия выполнены в технике изготовления клиновидных нуклеусов Хорока. Отчетливо фиксируются следующие стадии их производства: снятие массивной пластинчатой (односторонне-выпуклой) заготовки с нуклеуса, скалывание галечной корки с дорсала, шлифовка рабочего края. На спинке двух тесловидно-скребловидных орудий из зеленого сланца сохранилась галечная корка, а шлифовка отсутствует (см. рис. 11, 5, 6). Тесло, изготовленное из базальтовой гальки, напротив, имеет очень тщательно отшлифованный край и не использовалось как скребло (см. рис. 11, 10). Комплекс из горизонта 3 обладает рядом важных особенностей:

- 1) артефакты сконцентрированы и хорошо взаимно апплицируются;
- 2) преобладают патинированные изделия из базальта, зеленого сланца, алевролита, туфа, кремнистого сланца и т.д.;
- 3) микронуклеусы изготовлены по технологической схеме Хорока в ее вариациях; различия между нуклеусами объясняются особенностями заготовок и материала;
- 4) именно в нижних слоях раскопа обнаружена большая часть макропластин, присутствуют пластины треугольного, реже трапецевидного сечения, в т.ч. с параллельными гранями и аморфных очертаний; как правило, это универсальные орудия – ножи, скребки, резцы, остря;
- 5) многие пластины намеренно фрагментированы, фрагменты использовались как отдельные орудия. Это подтверждается тем, что части одних и тех же пластин с различной степенью изношенности рабочего края обнаружены в разных скоплениях и в разных жилищах.

Находки из горизонта 3 имеют прямые аналогии в таких памятниках, как Урожайное-3 на Сахалине, Устиновка-1 и Суворово-3 в Приморье, Тарукиси, Касивадай-1, Сиратаки-1 и 32, Тачикарусюнай “С” в Японии, Суянге в Корее, Хутоулян в Китае и др.

Планиграфия. Графическая модель памятника. Жилища, очаги, рабочие площадки

Выявленные в горизонте 3 находки залегали двумя большими скоплениями, отстоявшими друг от друга на 5 м. Эти скопления были приурочены к хорошо сохранившимся ямным очагам, в поперечнике имели размеры от 7,5 до 8,5 м. Они являются следами наземных жилищ. Пятна черной палеопочвы, насыщенной угольками, отщепами, чешуйками и т.д. (прослой 2В), – остатки пола, истинный культурный слой, соответствующий выделяемому жилищам. Ямы, заполненные углистой почвой с угольками, – очаги. Для увеличения информационных и демонстрационных

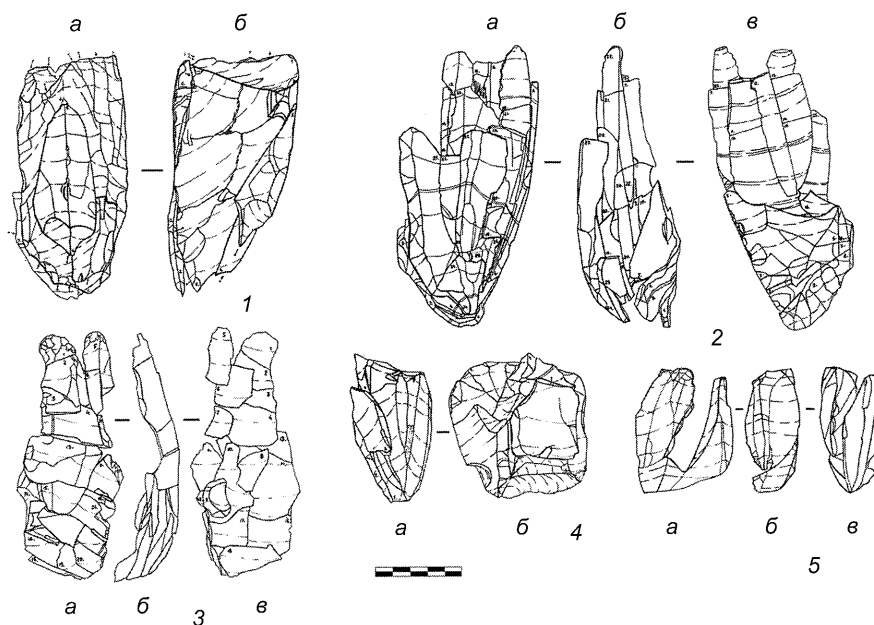

Рис. 10. Артефакты из жилищ I и II, горизонт 3. Поселение Огоньки-5.

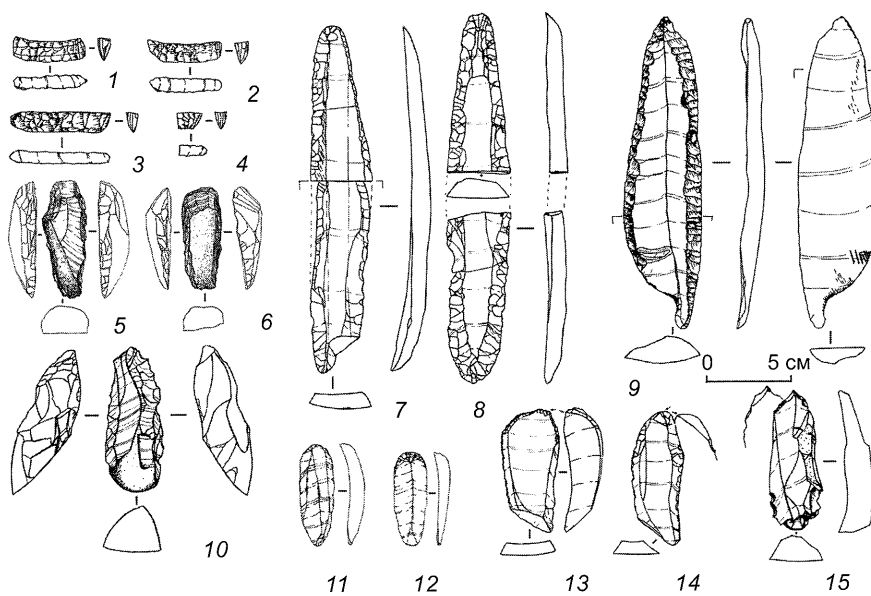

Рис. 11. Артефакты из жилищ I и II, горизонт 3. Поселение Огоньки-5.

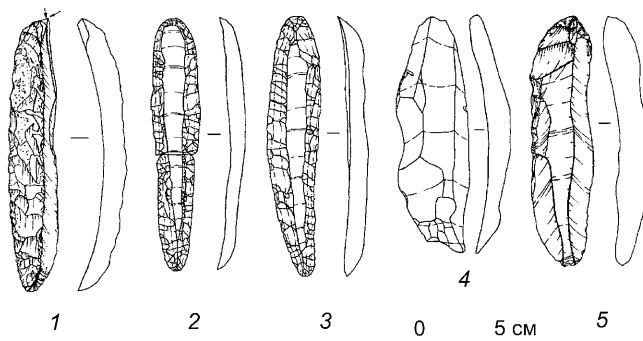

Рис. 12. Макропластины из жилищ I и II. Поселение Огоньки-5.

возможностей полученных данных была построена послойная графическая модель раскопанной части поселения Огоньки-5 (рис. 13). Каждый слой раскопа в ней представлен отдельно. Графическое моделирование данного объекта в процессе исследования позволило свободно накладывать и отделять друг от друга планы расположения находок в разных слоях. Это способствовало уточнению границ локальных скоплений на основе сведения в рамках одной, двух и трех виртуальных поверхностей реально выявленных связей между объектами, а также апплицирующихся артефактов. Если в поле единый слой был разбит на два более тонких, последующее слияние планов позволяет восстановить информацию в графической модели. И напротив, разный возраст концентраций выражается в несовместимости отдельных объектов при их графическом соединении. Картирование связей в слое 1 показало, что большая часть находок из пашни не имеет прямого отношения к комплексу с накопечниками, а происходит из нижележащих горизонтов. Картирование этапов расщепления нуклеусов позволило выделить рабочие площадки, где во время использования одного нуклеуса (одна неделя? месяц? сезон?) происходило расщепление камня. Выяснилось, что базальтовый нуклеус (см. рис. 10, 2) расщеплялся в границах жилищ I и II. Там же перемещались заготовки скребел, тесловидно-скребловидных орудий и нуклеусов из зеленого сланца. Это означает, что нуклеусы, являясь общей собственностью, переносились из одного жилища в другое. Расщепление на пластины и сколы-полуфабрикаты для изготовления орудий шло на нескольких площадках, которые на плане вписываются в рамки двух концентраций – жилищ I и II (см. рис. 13).

Большой проблемой при оценке возраста поселения Огоньки-5 были три вышеописанных тесловидно-скребловидных орудия: два из сланца (см. рис. 11, 5, 6) и одно из базальта (см. рис. 11, 10). Наличие шлифовки на одном из них как будто бы позволяло относить эти орудия к горизонту 1 – комплексу с накопечниками. Однако описанное выше картирование в рамках графической модели расположения находок из зеленого сланца, и в т.ч. обоих тесловидно-скребловидных орудий, позволило связать их с нижним комплексом и, в частности, с несколькими десятками сколов и нуклеусом из зеленого сланца с пола жилищ I и II. Таким же образом, как для нуклеусов, в модели картированы связи между аппликациями макропластин и прочих изделий. Так, например, ножевидная пластина из базальта еще в древности была разделена на три части (см. рис. 11, 7). Две из них, не стыкующиеся между собой, проксимальная и дистальная, найдены в жилище I; еще одна, медиальная, – в жилище II. Части данного орудия утилизировались отдельно, в разных целях. На это указывает разная степень из-

ношенности рабочего края описываемых фрагментов. При нехватке сырья (например, в зимних условиях) мастер делил одну большую пластину на сегменты и использовал каждую отдельно либо отдавал нуждающемуся члену социума, в т.ч. и в соседнее жилище. Эти поведенческие наблюдения имеют отношение к изучению вопросов собственности и правил жизни в первобытных коллективах на основе моделирования тщательно документированных актов деятельности человека на поселении Огоньки-5. Одновременное существование на древнем поселении двух жилищ доказывается как описываемой моделью, так и четырьмя AMS-датами в интервале 20 – 18 тыс. л.н. Моделирование раскопанной части поселения Огоньки-5 позволило выявить еще одно жилище (III), которое не имеет отношения к первым двум (см. рис. 13, III). На это указывают скопления материала к северо-западу от жилища I и тот факт, что связи между взаимно апплицируемыми артефактами из жилищ I и II почти не распространяются на его площадь, хотя жилища I и III совмещаются друг с другом. Наличие небольших очагов вокруг центра концентрации III также указывает на существование в этом месте еще одного жилища.

При тщательном анализе плана с учетом полученной в поле информации установлено, что по ряду позиций все три концентрации материала имеют несколько общих признаков:

- 1) материал концентрируется кольцом вокруг центральной площадки;
- 2) плотность слоя глиняных полов в жилищах, как и должно быть, принципиально выше, чем в межжилищном пространстве, они утопаны почти до каменного состояния;
- 3) скопления находок сопряжены с очагами (в жилищах I и II по две очажные ямы, в жилище III – три очажных пятна);
- 4) очаги располагаются вокруг центра жилища с восточной и северной стороны, значит, выход из дома был на юг – юго-запад, т.е. по направлению к реке;
- 5) верхний уровень зольного слоя очагов в жилищах I и II при раскопках фиксируется уже в среднем уровне слоя 2 – суглинка горчичного цвета. Это объясняется тем, что бугры больших очагов выступали над уровнем пола. Нижняя часть очажной ямы уходит в материк – темно-пеструю глину. Совпадение дат очагов подтверждается и сходством их стратиграфического положения;
- 6) системы ям от столбов, а также запорных камней под столбы не обнаружено. Отдельные ямки найдены в пределах приочажного пространства. Очевидно, жилища не углублялись в землю. Это должны были быть каркасные строения округлой в плане формы, наклонные опоры каркаса, вероятно, упирались в землю.

Кроме того, существуют отдельные находки более древнего облика, чем описанные выше. Среди них один “изъеденный” почвенными кислотами фронтальный скол из базальта, а также два крупных уплощенных отщепов с негативами треугольных сколов, никак не соотносящиеся с пластинчатыми комплексами из раскопа. Также отрывается от общего массива и самая ранняя для верхнего палеолита на Сахалине AMS-дата, полученная в юго-западной части раскопа – $31\,130 \pm 440$ л.н. (AA-23138) (см. табл. 2, рис. 14). Данные радиоуглеродного датирования указывают на возраст жилищ I и II, а следовательно, и самого поселения, реконструируемого в рамках горизонта 3, в пределах 18 – 20 тыс. лет [Kuzmin et al., 1998]. Сравнение дат в рамках графической модели (см. рис. 14) показывает следующее: две из них – $17\,860 \pm 120$ и $31\,130 \pm 440$ – отрываются от основной группы, которая при взаимном наложении отрезков четко дает диапазон 19 300 – 19 450, т.е. усредненно $19\,375 \pm 75$ тыс. л.н. (от 1950 г.).

Таким образом, хорошо стратифицированный и документированный памятник Огоньки-5 является важнейшим источником по изучению верхнего палеолита островной части севера Восточной Азии и его следует считать опорным для изучаемого региона.

Проблемы периодизации верхнего палеолита Сахалина

Первую периодизацию памятников эпохи верхнего палеолита Сахалина опубликовали Р.С. Васильевский и В.А. Голубев [1976]. Расширенную схему развития палеолитических индустрий с выделением археологических культур верхнего палеолита представили В.А. Голубев и Е.Л. Лавров [1988]. В качестве раннего этапа (30 – 20 тыс. л.н.) выделена “адо-тымовская культура-модель, в основе которой лежит леваллуазская традиция обработки камня”. Второй этап верхнего палеолита (Сокол-1, Такое А) традиционно соотносился с “поздней, а возможно, и с ранней культурой сиратаки”, в его рамках выделялась ранняя южно-сахалинская культура, датируемая 16 – 12,5 тыс. л.н. Третий этап (Сокол-2*, Такое В, Имчин-1) – средняя южно-сахалинская и имчинская культуры – относился ко времени 12 – 10 тыс. л.н., а четвертый – поздняя южно-сахалинская культура (Такое С, Одопту, Кадыланья) – датировался в интервале от 9 тыс. л.н. “до появления керамики” [Там же, с. 212 – 214]. К адо-тымовской культуре отнесены галечные орудия, собранные в карьере на поселении Имчин-2 и на пашне у с. Адо-

Тымово*. Основой для выделения этой культуры было, с одной стороны, представление о сосуществовании в верхнем палеолите галечной и пластинчатой традиций, а с другой – “типологическая выразительность” галечных орудий на стоянке Адо-Тымово. “Неясность геологической ситуации” и спорность датировки этих предметов признавали многие исследователи [Там же, с. 212; Горбунов, 1990; Горбунов, Прокофьев, 1990; Василевский, 1996]. Но тогда на Сахалине еще не было известно ни одного достоверного стратифицированного комплекса старше 12 тыс. лет, и это препятствовало мотивированному разбору источниковедческой ситуации. К настоящему времени накоплено больше данных, которые не позволяют включать Адо-Тымово и имчинские стоянки в круг памятников верхнего палеолита. Приведем аргументы. Во-первых, в отличие от памятника Адо-Тымово, приуроченного к высокой пойме, все палеолитические стоянки располагаются на поверхностях, превышающих отметку 40 м над уровнем реки (см. рис. 2). Кроме того, все известные верхнепалеолитические комплексы связаны с тяжелыми суглинками (см. рис. 3). Уточняющий разрез, выполненный нами с В.А. Голубевым на стоянке в 1989 г., показал типичные для высокой поймы речные отложения, сформировавшиеся в позднем голоцене. Во-вторых, керамика и изделия довольно позднего облика обнаружены *in situ* в самых низах разреза, ниже галечных изделий “эпилеваллуазского облика”. В-третьих, взгляды на памятники раннего периода верхнего палеолита в Восточной Азии претерпели значительное изменение: в 1980 – 1990-х гг. в регионе открыты и изучены памятники возрастом около 20 тыс. лет и старше, на которых широко представлена развитая пластинчатая техника. В-четвертых, на изделиях со стоянки Адо-Тымово и Имчин-2 следов эпилеваллуазского и леваллуазского расщепления не обнаружено. Целью и продуктом этого расщепления были обычные отщепы, характерные для неолита и раннего железа. Кроме того, поверхность артефактов сохраняет четкие следы сколов без характерной для ранних памятников дефляции. Все нуклеусы с памятников Адо-Тымово и Имчин-2 многоплощадочные, точно такие же ядрища из того же красно-сургучного и вишневого кремня представлены на целом ряде памятников эпохи неолита и раннего железного века. На отмелях близ стоянки Адо-Тымово отмечены большие скопления галек кремня, служивших исходным сырьем, о чем свидетельствуют собранные на пашне изделия. Данный

* Под пунктом 1 на стоянке Сокол понималась ранняя группа артефактов, а под пунктом 2 – поздняя.

* Автор принимал участие на всех этапах изучения стоянки Адо-Тымово и хорошо знаком как с условиями залегания и сбора материала, так и с коллекциями, хранящимися в музее археологии Сахалинского государственного университета.

памятник ввиду явного изобилия бракованного материала, колотых и брошенных галек, отщепов и малого количества готовых орудий считаем мастерской. Все это не позволяет относить стоянку Адо-Тымово к эпохе палеолита. На нынешнем этапе изучения каменного века Сахалина выделение адо-тымовской культуры имеет уже в большей степени историографическое значение.

Корреляция и периодизация памятников верхнего палеолита Сахалино- Хоккайдского полуострова

Как сказано выше, в научной литературе последней четверти XX в. поставлена проблема взаимной корреляции и синхронизации периодов каменного века на островных территориях. На данном этапе мы отказываемся от применения понятия “археологическая культура” для верхнего палеолита региона, предпочитая рассмотрение памятников как подсистем одной территориальной, технологической, а в отдельные периоды, возможно, и культурной общности. Корректнее говорить о памятниках, индустриях, комплексах, периодах, этапах, применяя категории и методики системного подхода, подразумевая анализ на корректно сравнимых уровнях. Верхнему палеолиту о-ва Хоккайдо посвящены сотни монографий и статей, большинство из которых изданы на японском языке и малодоступны для российских археологов. На русском языке опубликованы отдельные статьи и две монографии: “Палеолит Японии” А.П. Деревянко [1984] и “Культуры каменного века Северной Японии” Р.С. Васильевского, Е.Л. Лаврова и Чан Су Бу [1982]. За время, прошедшее со дня выхода этих замечательных книг, многое изменилось в археологии о-ва Хоккайдо: открыты и исследованы новые памятники, получены новые даты, родились новые идеи. Поскольку мы не ставили своей целью проведение специального исследования верхнего палеолита этого острова, остановимся лишь на наиболее важных памятниках, выводах и дискуссиях.

Группа стоянок Сиратаки – это общий термин для обозначения палеолитических стоянок, расположенных на северном подножье гор Акаиси и Тайсетсу в бассейне р. Юбецу на востоке о-ва Хоккайдо, близ д. Сиратаки. Исследование стоянок началось с 1927 г., когда учитель Тома Эйкити впервые собрал здесь артефакты из обсидиана [Reexamination..., 1992, p. 11 – 12]. С тех пор раскопано несколько десятков стоянок эпохи палеолита. Наиболее известные из них – Сиратаки-1 (Хорокадзава), Сиратаки-13, 30, 32, Татикару-сюнай [Befu, Chard, 1960; Morlan, 1978; Ikawa-Smith, 1978; Васильевский, 1981; Васильевский, Лавров, Чан Су Бу, 1982]. В 1995 – 1999 гг. Центром археологических исследований Хоккайдо проведены

масштабные исследования под руководством Наганума Такаси, в ходе которых раскопано девять стоянок, в т.ч. Оку-Сиратаки-1 и 11, Хатторидай-2, Ками-Сиратаки-2, 5 – 8 и Кита-Сюбетсу-4, общей площадью 70 тыс. м² и собрано 3,16 млн артефактов. Все находки представлены исключительно изделиями из камня, которые преимущественно относятся к заключительным этапам верхнего палеолита. Подавляющее число артефактов – это отщепы, полученные в процессе изготовления каменных орудий. Последних в коллекции насчитывается 20 тыс. экз., или 0,65% от общего числа находок [Наганума Такаси и др., 1999; Ками-Сиратаки-8..., 1998; Оку-Сиратаки-1..., 1999].

Авторами раскопок выделены скопления, которые различаются по горизонтальному простиранию и могут рассматриваться как отдельные ансамбли. Они разделены на две хронологические группы, связанные с периодами до и после появления микропластин. К первой относятся коллекции из Ками-Сиратаки-8 и Оку-Сиратаки-1 с трапециевидными каменными орудиями – “трапезоидами” (довольно спорного типа, с нашей точки зрения), а также те скопления из Ками-Сиратаки-7 и 8, в которых есть ножи типа хиросато. Первые характеризуются отсутствием пластинчатой техники, а в последних она, напротив, представлена. Ко второй хронологической группе (с микропластинами) относятся ансамбли с микронуклеусами типа тогэсита (Ками-Сиратаки-8) и моммиджияма (Оку-Сиратаки-1), а также нуклеусами саккоцу и сатекияма (Ками-Сиратаки-2). Комплексы с черешковыми остриями содержат большое количество отщепов, полученных в процессе расщепления, они сопровождаются ладьевидными килевыми скребками (boat shaped scrapers), резцами, концевыми и боковыми скребками и топоровидными каменными орудиями (ax like stone tools). Во всех описанных ансамблях достаточно апплицирующихся артефактов, которые позволяют понять технику расщепления и методы производства каждого типа орудия. Стоянка Хорокадзава открыта в 1954 г. Один из ее пунктов назван Кимурой Хидеаки в честь Тома Эйкити. С 1987 г. под руководством профессора Кимуры Хидеаки раскопан участок более 100 м². В раскопках неоднократно принимали активное участие не только японские, но и российские археологи, в т.ч. А.П. Деревянко, Р.С. Васильевский, В.И. Молодин, Е.Л. Лавров, В.А. Голубев и многие другие. Стоянки Хорокадзава Тома, Тогэсита и Пирика хорошо изучены и описаны в японской литературе. Они представляют разные технологические комплексы, которые одновременно функционировали на Хоккайдо в период 20 – 12 тыс. л.н. Стоянки из группы Син Читосэ – памятники, раскопанные экспедицией того же Центра археологических исследований в 1990-х гг. при расширении одноименного аэропорта. Древнейший из них – верхнепалеолитическое

поселение Касивадай-1, на котором выявлено несколько концентраций артефактов верхнего палеолита, сопровождавшихся кострищами и следами деятельности человека на рабочих площадках. Важность памятника для нашей темы заключается в его необычайном сходстве с поселением Огоньки-5.

Традиционное японское палеолитоведение использует для выработки периодизации палеолита технику расщепления, форму нуклеусов, типы орудий, а также стратиграфию, прежде всего результаты определения возраста тефры, и палеоботанические материалы; предпочтение отдается данным радиохронологии, в т.ч. акселераторной масс-спектрометрии. Схемы, господствовавшие в японском палеолитоведении в конце XX в., хорошо описаны в литературе [Деревянко, 1984; Васильевский, Лавров, Чан Су Бу, 1982]. Кимура Хидеаки называет в качестве технико-типологических и этапных маркеров шесть типов микронуклеусов и, соответственно, техник расщепления, выделенных на Хоккайдо (Хорока, Юбецу, Пирика, Тогэсита, Ранкоси, Осерокко) [Reexamination..., 1992, p. 50 – 52]. В 1992 г. он определил два фактора, имеющих значение для дифференциации микропластинчатых техник: сырьевую базу и региональные традиции. Кимура Хидеаки выделяет технокомплексы Юбецу – Хорока и Тогэсита – Синмичи. В последнем в качестве исходной формы для микронуклеуса использовались крупные пластины и массивные отщепы, а в Юбецу – Хорока – бифас с естественной (Хорока и Пирика) или подготовленной (Юбецу) отжимной платформой. Подход Кимуры Хидеаки в некотором смысле отрицает датирующую роль нуклеусов и техники их получения и опровергает прежние схемы. Близкие позиции высказал и Наганума Такаси. Хоккайдские археологи в рамках одного слоя и даже скопления выявили нуклеусы типа хорока, тогэсита и юбецу. Эти факты не могут не поставить под сомнение универсальность ранее использовавшихся типолого-хронологических подходов. Наверное, поэтому в выводах группы исследователей, работавших в 1995 – 1999 гг. на стоянках близ Сиратаки, прослеживается отказ от прежних типологических признаков дробного деления периода 20 – 12 тыс. л.н. На основе всего сказанного приходим к важнейшему выводу: два технологических принципа изготовления микронуклеусов – из пластин и из бифасов – существовали параллельно друг другу с самого начала. Наши взгляды близки высказанным хоккайдским археологом Ясуфуми Терасаки [1999, p. 45 – 60]. Индустрии верхнего палеолита отличаются друг от друга в большей степени соотношением способов микрорасщепления. Большинство типов микронуклеусов появилось почти одновременно, вероятно, уже 20 – 16 тыс. л.н. Прежняя эволюционная схема индустрий о-ва Хоккайдо носила несколько упрощенный характер поступательного развития

техники от простого к сложному. Предлагаемая ниже периодизация верхнего палеолита Сахалино-Хоккайдского полуострова учитывает как новые данные, так и подтвержденные нашим анализом достижения предшествующего периода.

Периодизация и хронология верхнего палеолита Сахалино-Хоккайдского полуострова

Памятники первого, наиболее древнего этапа верхнего палеолита изучаемого палеополуострова представлены малочисленными коллекциями артефактов из нижних слоев стоянок группы Сиратаки, а также отдельными находками с поселения Огоньки-5 и некоторыми артефактами из верхнего слоя стоянки Сенная-1. Предположительно относим указанные памятники и отдельные находки к ранней поре верхнего палеолита, их возраст более 23 тыс. лет. Нижний рубеж этапа должен быть древнее 30 тыс. л.н. Он определяется данными AMS-датирования подстилающего слоя без артефактов ($37\,350 \pm 550$) поселения Касивадай-1 и одной датой, полученной по образцу из культурного слоя поселения Огоньки-5 ($31\,130 \pm 440$). Самая ранняя дата слоя с орудиями поселения Касивадай-1 $22\,190 \pm 210$. Находки представлены исключительно каменными орудиями. Основное сырье – кремнистые сланцы, туфиты, базальт. Заготовками орудий служили крупные пластинчатые отщепы. Расщепление основано на параллельном одностороннем и конвергентном скалывании. Для этого этапа характерны орудия на отщепах, в т.ч. дисковидные и концевые скребки, микроножи, микрорезцы и острия. В обработке преобладает крупная односторонняя ударная и отжимная ретушь. В некоторых изделиях на крупных отщепах из Огоньков-5 и из верхнего слоя стоянки Сенная-1 прослеживаются отголоски традиций технологии леваллуа. Японские археологи выделяют в качестве признака раннего этапа трапезиевидные орудия [Наганума Такаси и др., 1999; Ками-Сиратаки-8..., 1998; Оку-Сиратаки-1..., 1999].

Второй этап (Касивадай) выделяем в рамках 22 – 19,5 (19) тыс. л.н. Он характеризуется господством пластинчатой техники, микропластинчатая в регионе еще неизвестна. Ко второму этапу относим ансамбли со стоянок Ками-Сиратаки-7 и 8 с артефактами, имеющими выраженные эпилеваллуазские черты, – ножами хиросато и языковидными пластинами, полученными с грубых торцовых нуклеусов, а также целую группу артефактов из нижнего слоя поселения Касивадай-1 и комплексы стоянок Камисихоро Симак, Санкакуяма и др. Индустрия базируется преимущественно на местных ресурсах, но обсидиановый обмен уже отмечен. Ножи, типологически близкие остриям хиросато, найдены в нижнем слое поселения Огоньки-5 и на стоянке Старорусское-3 (“Читинка”).

Хронологические рамки этапа определяются данными датирования стоянок группы Син Читосэ (абсолютный некалиброванный возраст) – $22\,190 \pm 210$ – $20\,140 \pm 150$; Марукояма – $21\,940 \pm 250$; Санкакуяма – $21\,100 \pm 700$; Огоньки-5 – $19\,380 \pm 190$ и $19\,440 \pm 140$.

Третий (хорока или огоньковский) этап в рамках 19,5 – 16 тыс. л.н. представлен жилищами из слоя 3 поселения Огоньки-5 и стоянкой Урожайное-3, средним слоем поселения Касивадай-1, памятниками Сиратаки-1 (Хорокадзава), Тарукиси и др. Нижняя хронологическая граница соответствует датам слоя 3 Огоньков-5, а верхняя – датам ранних орудий со стоянки Сокол, определенным методом датирования по степени гидратации обсидиана. И технологически, и хронологически этап соотносится с понятием “средняя пора верхнего палеолита”. Памятники широко представлены в границах юга полуострова и связаны все с теми же реками бассейнов Охотского и Японского морей. Основной тип памятника – поселение из двух-трех жилищ наземного типа с ямными очагами. Главные инновации в индустрии – технологии производства макро- и микропластин. Соответственно, типичные признаки этапа – наличие различных разновидностей торцовых нуклеусов (крупные подпризматические, клиновидные, с вариациями от макро- до микроформ). При этом система расщепления не зависит от размеров нуклеуса. Сравнение форм микропластинчатых сколов, макропластин и отщепов показывает их полную идентичность, а следовательно, приемы изготовления были одни и те же. Большее значение имеет сырьевой фактор, от которого во многом зависят и размеры (от исходной преформы), и форма (от особенностей структуры и степени пластичности), и способ получения искомого заготовки орудия.

В начале этапа формируется технокомплекс Хорока – Юбецу: господствует техника хорока, в технологии изготовления пластин прослеживаются ранние традиции – они излишне массивны, зачастую имеют неправильную, в т.ч. языковидную, форму, часто не ретушированы. По-прежнему сохраняются ножи хиросато. Все это прямо указывает на некую преемственность культуры, если не в рамках исследуемой территории, то, может быть, на каком-то более высоком уровне. Характерные типы каменного инвентаря – макропластины, длинные, средние и реже малые ножевидные пластины, в т.ч. с диагональным резцовым сколом. Представлены клявовидные острия, концевые скребки, микропластинки, обычно неправильной формы, клиновидные микронуклеусы хорока, торцовые подпризматические, клиновидные и дисковидные нуклеусы, тесловидно-скребловидные орудия, а также большое количество орудий случайной формы (пилок, острий, ножей, резцов и пр.) на отщепах, сколах, фрагментах пластин. Широко распространен прием транкирования пластин.

На опорных памятниках этапа Огоньки-5 и Касивадай-1 культурные отложения характеризуются высокой концентрацией находок. По взаимно апплицирующимся артефактам выявлены устойчивые связи между жилищами. Закономерен вывод, что уже ок. 20 – 18 тыс. л.н. на полуострове существовали социумы, которые имели устойчивые традиции обитания в регионе. Зимой они проживали в наземных жилищах на сезонных поселениях в долинах рек. В теплый период переселялись на равнину и на морское побережье. На связь с побережьем указывают гальки янтаря, найденные на поселениях Касивадай-1 и Огоньки-5, расположенных вдалеке от его природных источников. Янтарь выбрасывает на нескольких ограниченных участках морских побережий региона, в частности, на Сахалине известны три основных места: одно на берегу залива Терпения близ устья р. Найба, два невдалеке от мыса Крильон. На Хоккайдо природных источников янтаря также немного, и они преимущественно связаны с каменноугольными месторождениями на р. Тэсио. Объяснение сезонных миграций находим в необходимости охотиться не только на горных животных, но и на более крупных обитателей прибрежной тундры – мамонтов (*Mammoth primigenius* Bl.), слонов (*Elephant naumani*), бизонов (*Bison*), гигантских оленей (*Megaloceros yabei*).

Социумы полуострова, несомненно, имели двусторонние связи на уровне устойчивого обмена на значительной территории от равнины Исикари до Сусунайской низменности. Основой этих отношений стали одно из самых больших богатств региона – залежи обсидиана на юге полуострова, а также меридиональные миграции животных. Первоначально вулканическое стекло не играло столь большой роли, как впоследствии, когда вместе с обсидиановыми заготовками на полуострове распространилась и достигла своего расцвета вторая составная указанного выше технокомплекса, которая дополнила и развила достижения техники хорока, – технология расщепления камня, известная под названием юбецу. Она возникла ок. 16 тыс. л.н., но получала развитие в т.н. поздней культуре сиратаки на следующем, четвертом этапе верхнего палеолита полуострова.

Четвертый этап (юбецу или соколовский) верхнего палеолита региона датирован по ^{14}C 16 – 13 тыс. л.н. Он представлен большим количеством памятников и на Сахалине, и на Хоккайдо, в т.ч. стоянками Сокол (ранний комплекс), Урожайное-2, Хорокадзава Тома, Сиратаки-30, 32, Камиюока-4, Пирика и др. Для изготовления орудий широко использовались все виды каменного сырья, но преобладающим и предпочтительным являлся обсидиан, который в ту пору в больших количествах перемещался на азимутальное расстояние до 500 км от месторождения. Следует

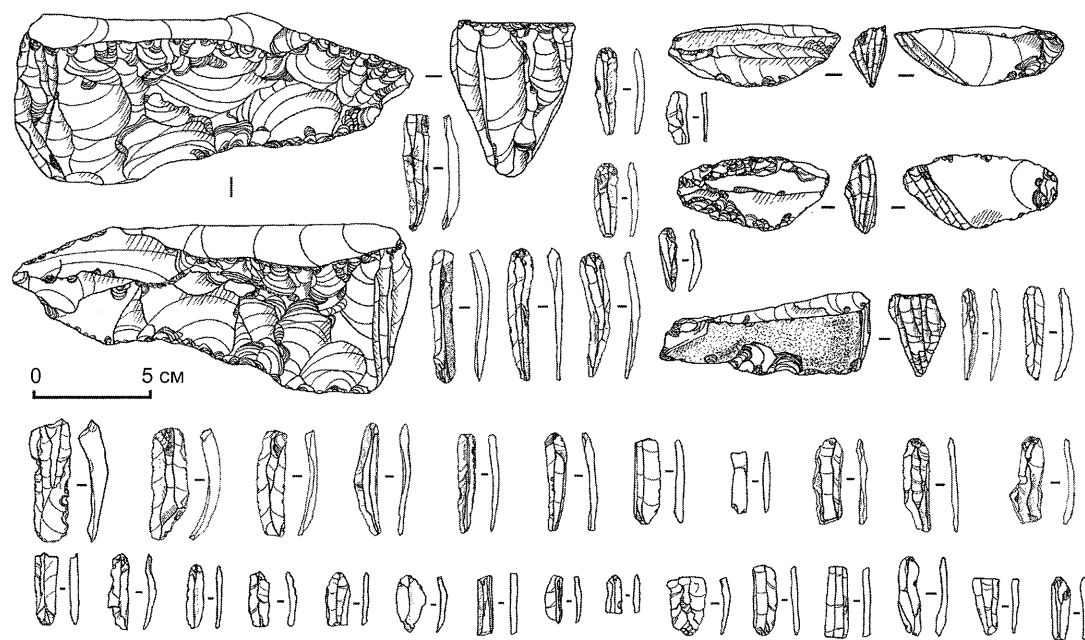

Рис. 15. Нуклеусы и микропластинки из обсидиана со стоянки Сокол на о-ве Сахалин. Подъемный материал.

согласиться с мнением Р. Морлана о сохранении техники хорока до 12 тыс. л.н. (см.: [Голубев, Лавров, 1988, с. 209, 237]). Это длительное переживание традиции объясняется естественными причинами: далеко не везде есть жильный камень, позволяющий изготавливать крупный бифас. Гораздо практичнее было использовать гальку или кусок породы, которые есть повсеместно и являются основным типом заготовки в технике хорока. Лучше всего инвентарь этого этапа характеризуется материалами стоянки Хорокадзава Тома Н. Характерны бифасы, клиновидные нуклеусы для получения микропластин и пластин, заготовки нуклеусов, сделанные из ладьевидных сколов, призматические, цилиндрические нуклеусы для снятия пластин, “первые” (ладьевидные) и “вторые” (лыжевидные) сколы, угловые резцы (тип арая) и двухфасеточные, близкие к трансверсальным, а также макропластины и реже длинные и средние пластины длиной от 10 до 20 см, шириной от 3,5 до 7 см, скребла на отщепках и пластинах и т.д.

Следует иметь в виду, что Хорокадзава Тома – это стоянка-мастерская. И она по составу инвентаря, конечно же, отличается от поселений того же этапа. Но зато здесь прекрасно иллюстрируется техника расщепления. На этой стоянке преобладает все, что связано с производством орудий, а не с их утилизацией. И, напротив, в раннем комплексе стоянки Сокол, как и следовало ожидать, доминируют готовые изделия со следами использования: такие же нуклеусы, что и на хоккайдской стоянке, но несколько меньших раз-

меров, такие же пластины, микропластинки (рис. 15), но почти нет реберных и продольных (лыжевидных) сколов, зато широко представлены резцы, концевые скребки, скребла, прочие орудия, сработанные нуклеусы и т.д. На стоянке Сокол, в отличие от Огоньков-5, найдены массивные бифасы и клиновидные нуклеусы, что, без сомнения, свидетельствует и о другом характере сырьевой ориентации, и о иной степени развития индустрии. Переход от техники хорока к преимущественному применению техники юбецу на Сахалине знаменуется переориентацией на обсидиановые ресурсы Хоккайдо и увеличением размеров нуклеусов. Одновременно получает широкое распространение и развитие микропластинчатая техника. Однако сохранялась и техника производств пластин. Отметим присущую ей широкую вариабельность: если на третьем, огоньковском, этапе преобладали несколько аморфные макропластины (15 – 25 см) и длинные (13 – 15 см) пластины (Огоньки-5), то на четвертом (ранний Сокол) на Сахалине преимущественно использовались длинные, средние (7 – 12 см) и малые (5 – 6 см) пластины. Сохранение макропластин на хоккайдских памятниках этого этапа объяснимо сырьевым богатством района. Кроме того, поздние макропластины имеют правильную форму, что отличает их от огоньковских.

Этап ограничиваем датами стоянки Сокол (16 – 12 тыс. л.н.) и временем образования пролива Лаперуза (13 – 12 тыс. л.н.). Последнее событие как будто бы должно было разъединить регион, но, на-

против, именно после образования пролива сырьевой обмен между территориями стал интенсивнее и сохранился на высоком уровне вплоть до развитого неолита, т.е. до V тыс. до н.э. [Василевский, 1993, с. 56 – 69]. Проблема рубежа верхнего палеолита и неолита не рассматривается в данной статье, поэтому ограничимся сказанным выше.

Список литературы

- Александрова А.Н.** Плейстоцен Сахалина. – М., 1982. – 192 с.
- Беляева В.И.** Роль жилого пространства в определении социальной организации человеческих коллективов верхнего палеолита // Проблемы археологии. – СПб., 1998. – Вып. 4. – С. 68 – 76.
- Василевский А.А.** Особенности историко-культурных процессов в зоне перехода от материковой к островной суши // Краеведческий бюл. – Южно-Сахалинск, 1993. – № 4. – С. 56 – 69.
- Василевский А.А.** Источники изучения позднелептостеновых – раннеголоценовых культур Сахалина в свете новых задач современной археологии Дальнего Востока России // Поздний палеолит – ранний неолит Восточной Азии и Северной Америки: Материалы Междунар. конф. 24–25 марта 1994 г. – Владивосток: Ин-т ист., археол. и этногр. ДВО РАН, 1996. – С. 26 – 30.
- Василевский А.А.** Памятники археологии Лютойжской долины и их значение для палеолитоведения Дальнего Востока // Проблемы археологии каменного века / Под ред. А.М. Кузнецова. – Уссурийск: Изд-во Уссурийск. гос. пед. ин-та, 1997. – С. 107 – 125.
- Васильевский Р.С.** Имчинский бескерамический комплекс на о. Сахалине // Изв. Сиб. отд-ния АН СССР. – Сер. обществ. наук. – 1973а. – Вып. 2, № 6. – С. 127 – 133.
- Васильевский Р.С.** Исследования стоянки Имчин на Северном Сахалине // АО 1972 г. – М.: Наука, 1973б. – С. 202 – 203.
- Васильевский Р.С.** По следам древних культур Хоккайдо. – Новосибирск: Наука, 1981. – 174 с.
- Васильевский Р.С., Голубев В.А.** Древние поселения на Сахалине (Суусуйская стоянка). – Новосибирск: Наука, 1976. – 271 с.
- Васильевский Р.С., Лавров Е.Л., Чан Су Бу.** Культурные каменного века Северной Японии. – Новосибирск: Наука, 1982. – 207 с.
- Вулканические стекла Дальнего Востока России: геологические и археологические аспекты** / Под ред. Я.В. Кузьмина, В.К. Попова. – Владивосток: Дальневост. геол. ин-т ДВО РАН, 2000. – 168 с.
- Вязовская В.В.** Микролиты Северного Сахалина // История и культура народов Дальнего Востока. – Южно-Сахалинск: Сах. кн. изд-во, 1973. – С. 255 – 257.
- Геологическое развитие Японских островов.** – М.: Мир, 1968. – 719 с.
- Голубев В.А., Лавров Е.Л.** Сахалин в эпоху камня. – Новосибирск: Наука, 1988. – 240 с.
- Горбунов С.В.** [Рецензия] // Краеведческий бюл. – 1990. – № 3. – С. 135 – 142. – Рец. на кн.: Голубев В.А., Лавров Е.Л. Сахалин в эпоху камня. – Новосибирск: Наука, 1988. – 240 с.
- Горбунов С.В., Горобец В.Я.** О состоянии изученности палеолита и мезолита на Сахалине // Проблемы изучения памятников каменного века и палеометалла Дальнего Востока и Сибири. – Владивосток, 1989. – С. 11 – 14. – (Препр. / ДВО РАН. Ин-т истории, археологии и этнографии).
- Горбунов С.В., Прокофьев М.М.** [Рецензия] // Краеведческий бюл. – 1990. – № 1. – С. 150 – 157. – Рец. на кн.: История Дальнего Востока СССР с древнейших времен до XVII в. – М.: Наука, 1989. – 370 с.
- Деревянко А.П.** Палеолит Японии. – Новосибирск: Наука, 1984. – 272 с.
- Ками-Сиратаки-8** исеки-но тэса. 1995 – 1997 [Раскопки стоянки Ками-Сиратаки-8 на Хоккайдо. 1995 – 1997] / Ред. Наганума Такаси. – Саппоро: Хоккайдо майдзо бунка сэнта, 1998. – 36 с. – (Сиратаки исекигун-о Хору 1 [Отчет о раскопках группы стоянок Сиратаки; Т. 1]) (на яп. яз.).
- Лавров Е.Л.** Первая стратифицированная стоянка палеолита Сокол-2 на юге Сахалина // Изв. Сиб. отд-ния АН СССР. Сер. ист., филол. и филос. – 1984. – Вып. 2. – С. 67 – 69.
- Мечетин В.В.** Четвертичные изменения уровня Японского моря // Береговая зона дальневосточных морей в плейстоцене. – Владивосток: ДВО АН СССР, 1988. – С. 53 – 60.
- Наганума Такаси, Косида Масаси, Мунаката Кодзи, Судзуки Хироюки, Сакамото Наофуми, Наоэ Ясуо.** Отчет о раскопках группы стоянок Сиратаки близ д. Сиратаки в районе Момбецу на севере Хоккайдо // Нихон кокогаку. – 1999. – № 8. – С. 101 – 116 (на яп. яз.).
- Оку-Сиратаки-1** исеки-но тэса. 1997 – 1999 [Раскопки стоянки Оку-Сиратаки-1 на Хоккайдо. 1997 – 1999] / Ред. Наганума Такаси. – Саппоро: Хоккайдо майдзо бунка сэнта, 1999. – 34 с. – (Сиратаки исекигун-о Хору 3 [Отчет о раскопках группы стоянок Сиратаки; Т. 3]) (на яп. яз.).
- Оно Юго, Игараси Яэко.** Хоккайдо-но сидзэнси. Хёки-но синрин-о табисуру [Естественная история Хоккайдо (лес ледникового периода)]. – Саппоро: Хоккайдо дайгаку тосё канкокай, 1991. – 238 с. (на яп. яз.).
- Терасаки Ясуфуми.** Сайсекиджин секи гунн, но хэн сен ту шю [Генезис микропластинчатых индустрий] // Симподизиуму кайкио то кита но коокогаку [Археология пролива и севера: Конгресс археологического общества в Кусиро]. – Кусиро, 1999. – Т. 1. – С. 45 – 60 (на яп. яз.).
- Хосино М.** Морская геология. – М.: Недра, 1986. – 432 с.
- Шубина О.А.** [Рецензия] // Краеведческий бюл. – 1990. – № 1. – С. 147 – 150. – Рец. на кн.: История Дальнего Востока СССР с древнейших времен до XVII в. – М.: Наука, 1989. – 370 с.
- Befu H., Chard Ch.S.** Preceramic cultures in Japan // American Anthropologist. – 1960. – Vol. 62 (5). – P. 815 – 849.
- Gorbatenko S.A., Southon J.R.** Detailed Japan Sea paleoceanography during the last 25 ka: constraints from AMS dating and D- 1973a. $\delta^{18}\text{O}$ of planctonic foraminifera // Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology. – 2000. – N 156. – P. 177 – 193.
- Ikawa-Smith F.** Chronological framework for the study of the Palaeolithic in Japan // Asian Perspectives. – 1976. – Vol. 19 (1). – P. 61 – 90.
- Japan and its Nature** / Ed. by M. Minato. – Tokyo, 1977. – 206 p. (Engl. and Jap.).
- Korotky A., Grebennikova T., Razjigaeva N., Volkov V., Mokhova L., Ganzey L., Bazarova V.** Marine terraces of Western Sakhalin Island // Catena. – 1997. – Vol. 30. – P. 61 – 81.

Kuzmin Y.V., Vasilevski A., O'Malley J.M., Jull A.J.T. The age and the environment of the Paleolithic occupation of Sakhalin Island, the Russian Far East // Current research in the Pleistocene. – 1998. – Vol. 15. – P. 134 – 136.

Morlan R. Technological characteristics of some wedge shape cores in North Western North America and Northeast Asia // Asian Perspectives. – 1978. – Vol. 19 (1). – P. 96 – 106.

Ono Yugo. Ainu Homelands: Natural History from the Ice Age to Modern Times // Ainu: Spirit of a Northern people / Arctic Studies Center, National Museum of Natural History

Smithsonian Institution in association with University of Washington Press. – Los Angeles, 1999. – P. 32 – 38.

Ota Y., Machida H. Quaternary sea-level changes in Japan // Sea level changes / Eds. M.J. Tooley, I. Shennan. – L.: Institute of British Geographers, 1987. – P. 182 – 224.

Reexamination of the Yubetsu Technique and Study of Horokazawa Toma Lithic Culture / Ed. by Kimura Hideaki. – Sapporo: Sapporo University, 1992. – 54 p. (Engl. and Jap.).

Материал поступил в редколлегию 13.02.03 г.

ДИСКУССИЯ

ПРОБЛЕМА ПЕРЕХОДА ОТ СРЕДНЕГО К ВЕРХНЕМУ ПАЛЕОЛИТУ

УДК 903.4

В.И. Ташак

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
ул. Сахьяновой, 6, Улан-Удэ, 670047, Россия
E-mail: tashak@burnet.ru*

ОЧАГИ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ ПОДЗВОНКАЯ КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАБАЙКАЛЬЯ

Введение

В современном палеолитоведении наблюдается несколько исследовательских направлений, призванных дать ответы на вопросы о времени зарождения, характере и путях развития археологических культур каменного века. Безусловно, приоритетным является изучение морфологии и типологии каменных орудий, а также технологии их производства. Явное доминирование этих направлений зачастую обусловлено тем, что основным и подчас единственным объектом антропогенного происхождения на многих археологических памятниках остаются сами каменные артефакты. Другая информация, в т.ч. о первичных условиях их захоронения в отложениях, оказывается утерянной в силу естественных причин, в первую очередь, активизации геологических процессов. Подавляющее большинство палеолитических местонахождений Западного Забайкалья древнее 20 тыс. лет расположено на подгорных шлейфах, конусах выноса и террасовидных уступах горных склонов. Указанная особенность приводила к тому, что значительная часть палеолитических объектов подвергалась разрушительному воздействию денудационных процессов. В этой ситуации особую актуальность приобретает детальное изучение сохранившихся структурных элементов стоянок и поселений. Они могут быть как простыми (очаги, кострища, хозяйственные ямы, клады, обкладки периметра жилого пространства, “мусорные кучи”, места обработки каменного или костяного сырья, зольные выбросы и пр.), так и сложными (напр., жилища, включающие в себя простые структурные элементы в различных сочетаниях).

Изучение подобных элементов палеолитического поселения позволяет достаточно уверенно реконструировать его целостную структуру и обратиться к исследованию поведенческой стратегии древнего населения не только в хозяйственной деятельности, но и в духовной сфере.

Открытый в 1991 г. палеолитический памятник Подзвонкая, расположенный на востоке Кяхтинского р-на Республики Бурятия, относится к тем археологическим объектам, на которых выявлены сохранившиеся структурные элементы организации пространства древнего поселения. Первоначально местонахождение рассматривалось как небольшой участок с археологическим материалом эпохи верхнего палеолита, локализованный в глубине амфитеатрообразной западины гористого левого борта неширокой долины речки Тамир в западных отрогах Тамирского хребта (рис. 1). Ежегодные работы, проводившиеся внутри амфитеатра в 1991 – 2000 гг., показали, что территория памятника не ограничивается первоначально определенной площадью в 100 × 50 м [Ташак, 1996]. На сегодняшний день выяснено, что вся территория присклоновых шлейфов южной экспозиции от пойменной части долины до восточных склонов, замыкающих амфитеатр, была обитаемой в эпоху ранней стадии позднего палеолита [Ташак, 2002]. Площадь памятника, вписанного в рамки локальной геоморфологической структуры – амфитеатра, делится на части микрорельефом этой структуры. За время полевых работ здесь исследованы четыре локальных участка, где в геологических слоях содержались археологические и палеонтологические материалы. Участки названы комплексами: Восточный, Западный, Юго-Восточный и Нижний. Наибольший